

Государственный капитализм в России: состояние исследований (часть 2)¹

Журавлев О. М.¹, Матвеев И. А.^{2,*}

¹ Лаборатория публичной социологии, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация

*e-mail: matveev-ia@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4355-3257>

РЕФЕРАТ

В настоящей статье рассматриваются основные подходы к изучению государственного капитализма в современной научной литературе, а также исследования государственного капитализма в России.

Цель. Проанализировать текущее состояние исследований, посвященных государственному участию в российской экономике, и выделить основные тенденции в этой предметной области.

Задачи. Во второй части статьи рассматриваются исследования государственного капитализма в России.

Методология. В статье сопоставляются позиции авторов и выделяются группы источников.

Результаты. Во второй части статьи демонстрируется, что с начала 2000-х гг. Россия рассматривается как один из парадигматических случаев возвращения государства в экономику. Первая волна исследований российского государственного капитализма в 2000-х гг., за редкими исключениями, рассматривала его как проявление рентоориентированного поведения политических элит. Однако последующие исследования поставили под сомнение эту интерпретацию. Государственный капитализм в России стал рассматриваться как инструмент экономического развития, хотя и приносящий смешанные результаты, инструмент решения социальных проблем, особенно в моногородах, геополитический инструмент и средство защиты национального суверенитета, проводник финансовализации.

Выводы. Многочисленные эмпирические исследования государственного участия в российской экономике, появившиеся в 2010-е гг., демонстрируют, что российский государственный капитализм — сложное и многогранное явление. В то же время мы констатируем, что в данном исследовательском поле пока не произошла систематизация результатов и российская политическая экономия все еще ожидает макроанализа, учитывающего все ее структурные и институциональные особенности.

Ключевые слова: политическая экономика, капитализм, государство, промышленная политика, рентоориентированное поведение, патронаж

Для цитирования: Журавлев О. М., Матвеев И. А. Государственный капитализм в России: состояние исследований (часть 2) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3. С. 47–57.

State Capitalism in Russia: A Review Article (Part 2)

Oleg M. Zhuravlev^a, Ilya A. Matveev^{b,*}

^a Public Sociology Laboratory, Saint Petersburg, Russian Federation

^b North-West Institute of Management of RANEPa, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: matveev-ia@ranepa.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4355-3257>

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС. Первую часть см.: Журавлев О. М., Матвеев И. А. Государственный капитализм в России: состояние исследований (часть 1) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 169–176.

ABSTRACT

The article reviews current scholarship and debates on state capitalism as well as studies of this phenomenon in Russia.

Aim. This article aims to review current scholarly debates on state intervention in the Russian economy and identify key positions in this field.

Tasks. In the second part of the article, we review the existing research on state capitalism in Russia.

Methods. This article compares scholars' positions and identifies divisions in the field.

Results. In the second part of the article, we show that, since the early 2000s, Russia was widely seen as a paradigmatic case of the state's return to interventionist policies. We demonstrate that the first wave of studies in the 2000s, with a few exceptions, considered state capitalism in Russia to be an instrument of patronage and rent-seeking. However, subsequent research questioned this claim. State capitalism in Russia was now seen as an instrument of solving social problems, particularly in monotowns, a geopolitical tool and a way of defending national sovereignty, as well as a vehicle for financialization.

Conclusion. Multiple empirical studies of state capitalism in Russia published in the 2010s demonstrate its complexity and versatility. However, the results of empirical research are yet to be systematized and the Russian political economy still lacks a macro analysis that would consider all of its structural and institutional dimensions.

Keywords: political economy, capitalism, state, industrial policy, rent-seeking, patronage

For citing: Zhuravlev O. M., Matveev I. A. State Capitalism in Russia: A Review Article (Part 2) // Eurasian Integration: economics, law, politics. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 47–57.

Введение

В первой части статьи мы рассмотрели понятие государственного капитализма. Мы проследили эволюцию этого понятия в научной литературе от появления термина «государственный капитализм» в марксизме до современной литературы, посвященной «новому государственному капитализму».

Одним из примеров «нового государственного капитализма», наряду с Бразилией, Китаем и другими странами, является Россия. Академическая дискуссия о российском государственном капитализме затрагивает те же проблемы, о которых мы писали в первой части статьи, обращаясь к мировому опыту. Является ли государственный капитализм в России стратегической политикой государства или, наоборот, своеобразной формой коррупции, присущей патрон-клиентским отношениям? Как соотносятся госкапиталистическая политика и неолиберализм, который утвердился в России в 1990-х гг.? Какие функции выполняет госкапитализм в России: экономические, социальные, политические? На эти вопросы мы ответим ниже, проанализировав новейшие исследования российского государственного капитализма.

Государственный капитализм в России: больше чем коррупция?

В 1990-е гг. Россия, казалось, сделала решительный шаг к тотальному разгосударствлению экономики. Однако с начала 2000-х гг. и особенно в период второго срока Владимира Путина (2004–2008) эта тенденция сменилась на противоположную. Наиболее ярким символом возвращения государства в экономику стал переход активов крупнейшей нефтяной компании «ЮКОС» под контроль принадлежащей государству «Роснефти». В результате доля государства в нефтяном секторе увеличилась с 19% в 2004 г. до 40% в 2008 г. [16]. Государство также вернуло себе контроль над «Газпромом», а сам «Газпром» еще сильнее укрепил свой монопольный статус на газовом рынке. Целые отрасли, такие как судостроение и авиастроение, консолидировались в рамках государственных компаний. Для некоторых секторов, таких как оборонная промышленность, атомная энергетика и нанотехнологии, была создана специальная юридическая форма «государственной корпорации» [2]. Стремительно росла доля государства в банковском секторе. В период президентства Дмитрия Медведева обсуждался новый виток приватизации, однако на деле она не состоялась [16]. Напротив, государство продолжало расширять

присутствие в экономике — в 2013 г. «Роснефть» купила ТНК-ВР, в результате чего доля государства в нефтяной отрасли превысила 50%. Государство играет огромную роль в координации экономической деятельности: по расчетам журнала «Эксперт», 75% крупных инвестиционных проектов, инициированных в 2011 г., получили ту или иную форму государственной поддержки [15, с. 409]. Российское государство энергично обращается ко всем трем формам экономического участия, выделенным Райтом и др. [25]: оно владеет огромным количеством активов в самых разных отраслях экономики, в некоторых из них выступая в качестве монополиста; практикует разнообразные формы интервенций в работу рынка и создает сложную, многоплановую регуляторную среду для рыночных агентов.

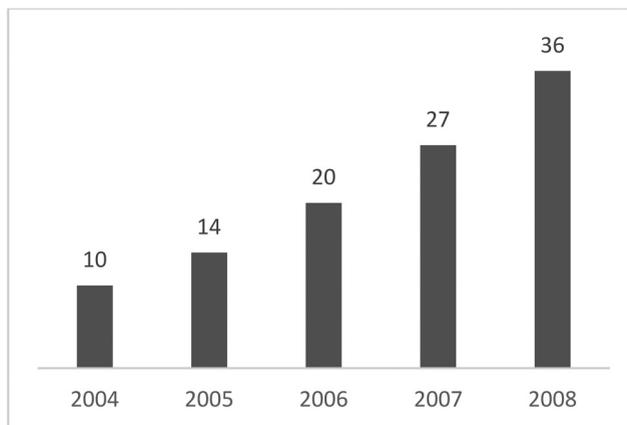

Рис. 1. Количество ренационализаций по годам. Источник: [18].

Fig. 1. Number of renationalizations by year

В анализе российского государственного капитализма с самого начала доминировала интерпретация, которую Мусаккио и Лаццарини обозначили как «политическую», — интерпретация с точки зрения патронажа и рентоориентированного поведения элит. Эту версию также можно обозначить как клептократическую. Так, Филип Хэнсон в 2007 г. отметил, что расширение госсектора с 2003–2004 гг. объяснялось «эффектом лакомого куска»: растущие доходы от сырьевого экспорта привлекали политическую элиту, которая стремилась получить свою долю [10, с. 37]. В статье 2009 г. Хэнсон писал, что «контролируемые государством компании легко могут быть использованы для извлечения ренты. Это относится как к сырьевому сектору, так и к другим отраслям экономики» [11, с. 24]. Аналогичным образом Томас Ремингтон в 2008 г. указывал: «По настоянию президента Дума создала ряд новых государственных корпораций и инвестиционных фондов, а также инициировала новые социальные программы. Эти инициативы создают рабочие места и источники дохода для чиновников, депутатов Госдумы и партийных функционеров. Таким образом, парламент заключил масштабную сделку с президентом, делегировав Путину широкие авторитарные полномочия в обмен на патронажные возможности для элиты» [17, с. 975]. Схожая логика представлена в книге Владимира Гельмана: «Лояльность по отношению к режиму и лично к Путину открывала различным сегментам российских элит доступ к тем или иным “кормушкам” — источникам ренты — в обмен на поддержку ими статус-кво» [3]. В своей недавней книге Андерс Ослунд (2019) суммирует подобные аргументы [4]. Он начинает главу о росте государственного участия с нормативных тезисов об экономической неэффективности государственного капитализма и хищнической природе российской экономической политики, нацеленной, по его мнению, на обогащение конкретных чиновников. Ослунд настаивает, что экономика в России — инструмент в руках представителей государства, однако цель последних не забота о национальных интересах, но также и не забота об экономических показателях, а личное обогащение. Он утверждает, что решающим фактором, влияющим на ренационализацию тех или иных российских предприятий, является воля Путина и его окружения, а вовсе не соображения стратегического или рыночного характера: «Когда

президент того хочет, деньги — не проблема. Российское государство в своей экономической политике не заботится о прибыльности и эффективности госпредприятий. Если надо, всегда найдутся дешевые кредиты и частные активы можно будет купить по низкой цене» [4, с. 100]. Автор пересказывает истории из СМИ, повествующие о «рейдерских захватах» с подачи российских властей, и приводит цифры, призванные показать неэффективность государственных предприятий. Этот анализ как будто подчинен заранее установленной цели: свести государственный капитализм к воровству элит. Центральный аргумент Ослунда выглядит так: «Государственный капитализм в России преследует две цели: во-первых, концентрация власти и могущества в руках Путина и его друзей, во-вторых, личное обогащение этих людей. При этом об экономических показателях, прибыльности и эффективности предприятий государство не заботится» [Там же].

Не все авторы разделяют подобную интерпретацию роста госсектора. Так, Дэвид Лейн указывает, что расширение государственного участия было ответом на катастрофу «хаотичного» капитализма 1990-х гг. [14]. С его точки зрения, формирование капитализма с ведущей ролью государства (*state-led capitalism*) способно повысить конкурентоспособность российских компаний на мировых рынках, обеспечить более продуктивное использование сырьевых доходов, сгладить конфликты между политическими и экономическими элитами, а также повысить легитимность действующей власти. Лейн заключает: «Корпоративная экономика с ведущей ролью государства, создаваемая Путиным, отнюдь не идеальна, но она лучше всего, что было испробовано ранее» [Там же, с. 182]. Нельзя не заметить, что в сравнении с экономикой 1990-х гг., охваченной шоком перехода к рынку в условиях слабого государства, любая стабильная экономическая система представляется более эффективной, поэтому аргумент Лейна не выглядит убедительно.

Тем не менее сразу несколько исследований, появившихся в 2010-е гг., явным образом критикуют тезис о клептократическом характере роста госсектора. Так, Люси Черных (2011) провела количественный анализ расширения государственного присутствия в экономике в 2004–2008 гг. (выборка из 153 крупных частных компаний, включающая 26 случаев ренационализации) [6]. Она обнаружила, что целью ренационализации становились не самые прибыльные компании или отрасли (что соответствовало бы «эффекту лакомого куска», о котором писал Хэнсон). Более того, вероятность ренационализации повышалась в *менее* прибыльных отраслях. Также шанс ренационализации увеличивался в отраслях, формально признанных государством «стратегическими». Черных делает следующий вывод: «Целью государства, по-видимому, становятся компании в стратегически важных секторах, приватизированные в 1990-е гг. Эти сектора официально признаны стратегическими и воспринимаются как важные с точки зрения глобальной конкурентоспособности и стабильности страны. Действия властей можно интерпретировать как попытку “скорректировать” ошибки стихийной приватизации в стратегически важных отраслях» [Там же, с. 1250].

Аналогичный вывод сделан в диссертации Эндрю Йорка (2014), к сожалению, до сих пор не опубликованной [26]. В настоящий момент она представляет собой наиболее полное исследование ренационализаций в середине — второй половине 2000-х гг. Йорк приходит к выводу, что ренационализации лучше объясняются в логике «суверенного развития», нежели в логике клептократии. «Суверенное развитие» включает два компонента: политический суверенитет и экономическое развитие. Некоторые ренационализации можно объяснить защитой политического суверенитета: в частности, атаке на «ЮКОС» предшествовали попытки Михаила Ходорковского продать долю в компании иностранным нефтяным производителям без согласования с Кремлем, что воспринималось руководством страны именно как угроза суверенитету. В других случаях, в частности в нефтехимической и атомной промышленности, ренационализации явным образом преследовали цели экономического развития и поддержки соответствующих отраслей [Там же, с. 271]. По мнению Йорка, это позволяет зафиксировать существование в России деvelopeментализма, пусть и во многом проблематичного. Тем не менее Йорк указывает, что цели защиты политического суверенитета и экономического развития вполне могут противоречить друг другу, что и продемонстрировала история некоторых ренационализаций в 2004–2008 гг. Кроме того, даже в случае преобладания деvelopeменталистских мотивов результаты государственной политики были в лучшем случае смешанными

из-за проблем с координацией в условиях отсутствия единого «пилотного агентства», подобного тому, что координировало государственное вмешательство в азиатских странах в 1960-е — 1980-е гг. (см. классическое исследование Чалмерса Джонсона [12]).

Анализируя реформу энергетической отрасли в 2000-е гг., Сюзэнн Венгл также обнаруживает логику, характерную для девелопментализма [22]. Несмотря на то, что изначально реформа имела неоллиберальный характер и была нацелена на повсеместную приватизацию и создание единого конкурентного энергетического рынка, результаты в разных регионах России оказались различными. В частности, в Сибири власти продолжили поставлять дешевую электроэнергию крупным промышленным предприятиям, особенно алюминиевым заводам Олега Дерипаски, в обмен на промышленное развитие региона. Это напоминает локальные частно-государственные коалиции в странах БРИКС, о которых писали Нольке и др. [30], что еще раз ставит вопрос о правомерности исключения России из их анализа. В недавнем тексте Венгл указывает на эффективные формы государственной поддержки в российском сельском хозяйстве [23]. Стивен Вегрен и др. (2019) также считают сельское хозяйство сферой, в которой государство играет определяющую роль и притом осуществляет достаточно успешную политику, благодаря массивным субсидиям в 2010-е гг. [21]. Россия стала крупным экспортером зерна, а общий объем сельскохозяйственного экспорта за последние десять лет вырос более чем в два раза [Там же, с. 425–426].

Таким образом, большинство исследований, критикующих клептократическую интерпретацию роста госсектора, указывают на существование той или иной формы девелопментализма, а также на логику защиты государственного суверенитета. В то же время некоторые работы находятся в русле «социального» объяснения государственного капитализма, по классификации Мусакии и Лаццарини, — объяснения с точки зрения социальных функций государственных компаний и мер государственной поддержки экономики. Так, Стивен Кроули отмечает, что убыточные предприятия во многих российских моногородах продолжают работать исключительно благодаря государственным субсидиям, нацеленным на то, чтобы не допустить массовой безработицы и социальной напряженности [7; 8]. Поддержка убыточных производств, по мнению Кроули, ограничивает потенциал экономического роста в России.

Еще одна группа исследований рассматривает роль государственного капитализма во внешней политике. Майкл Чарокопос и Атанасиос Дагумас (2018) утверждают, что в отсутствие прежней советской военной мощи углеводороды оказались важнейшим инструментом восстановления российского политического влияния в постсоветском регионе [5]. Именно здесь, по мнению авторов, нужно искать объяснение роста государственного участия в области газового экспорта. Государственное регулирование этой сферы было логичным политическим выбором, позволившим продолжить советскую политику международного влияния экономическими средствами. А «Газпром», не утративший в 1990-х гг. своей мощи и масштабов, стал центром этой политики. В результате, как указывают Чарокопос и Дагумас, в России произошел возврат к советской экономической политике в области экспорта природного газа. Эта политика преследует три цели: 1) политическая зависимость от России стран ближнего зарубежья, покупающих российский газ; 2) превентивная нейтрализация потенциальных конкурентов по эксплуатации природных ресурсов в регионе; 3) усиление роли России как главного экспортера газа в Западную Европу [Там же, с. 455].

Отдельно следует отметить исследования, посвященные государственному участию в российском финансовом секторе. Андрей Верников указывает на то, что с начала 2000-х гг. правительство проводит политику по созданию «национальных чемпионов» в банковской отрасли [1]. Несмотря на то, что эта политика не была зафиксирована в официальных документах, она реализуется крайне последовательно. Ее результатом является сверхвысокая концентрация собственности на рынке банковских услуг. В целом российский банковский сектор, по мнению Верника, развивается по китайской модели. Надежда Вантеева и Чарльз Хиксон обнаружили, что наличие государственного банка в составе акционеров компании (указывающее на стабильный приток кредитных средств) ведет к улучшению ее рыночных показателей, причем даже в большей степени, чем наличие частного банка [19]. По мнению Вантеевой и Хиксона, это означает, что «после того, как банковская система была реформирована и взята государством под свой контроль... она оказалась способной более эффективно финансировать инвестиционные

проекты» [19, с. 1001]. Таким образом, работа Вантеевой и Хиксона демонстрирует, что государственные банки являются действенным инструментом промышленной политики.

В своем исследовании рынка краткосрочных сделок РЕПО Илья Викторов и Александр Абрамов (2021) приходят к противоположным выводам [20]. Они указывают, что в 2010-е гг. в банковском секторе и на счетах государственных компаний образовался «денежный навес». По мнению Викторова и Абрамова, «финансовые институты оказались не вполне способны использовать эту ликвидность для кредитования компаний и населения. Вместо этого она циркулирует между участниками финансового рынка (в основном принадлежащими государству), которые пользуются различными краткосрочными финансовыми инструментами для быстрого извлечения прибыли за счет этого обмена» [Там же, с. 23]. Именно в этом контексте, по мнению авторов статьи, следует рассматривать рост рынка РЕПО с начала 2010-х гг. Таким образом, Викторов и Абрамов открывают еще одно измерение российского государственного капитализма: он оказывается проводником финансиализации, т. е. смещения центра прибыли в экономике в финансовый сектор (см. классическую работу Греты Криппнер [13]).

Особняком стоят исследования, анализирующие идейные истоки роста государственного участия в 2000-е — 2010-е гг. Так, Ева Дабровска и Йоахим Цвайнерт (2014) рассматривают интеллектуальную и экономическую историю российского Стабилизационного фонда (СФ), который задумывался в первой половине 2000-х гг. как инструмент неолиберальной макроэкономической политики, нацеленный на борьбу с инфляцией, а превратился в итоге в инструмент государственного капитализма — в фонд, откуда государство берет деньги для стратегических инвестиций с целью стимулирования экономического развития [9]. Дабровска и Цвайнерт анализируют идейную борьбу высокопоставленных политических акторов (являвшихся одновременно экономическими экспертами), которые по-разному видели задачи Стабилизационного фонда. Эта борьба началась в первой половине 2000-х гг., когда сама идея создания СФ была озвучена руководством страны. Неолибералы во главе с Алексеем Кудриным, на тот момент министром финансов, рассматривали СФ как средство макроэкономической стабилизации, борьбы с инфляцией и улучшения инвестиционного климата за счет изъятия («стерилизации») излишков денежных средств, образовавшихся от экспорта углеводородов. В то же время девелопменталисты во главе с советником Путина Андреем Белоусовым считали, что задачей фонда должна стать не столько стерилизация денежных средств, сколько накопление резервов, с помощью которых можно было бы обеспечить экономический рост, причем не косвенно — за счет создания привлекательного инвестиционного климата, а напрямую — посредством внутренних инвестиций (неолибералы же настаивали, что деньги, накопленные на счетах фонда, должны были расходоваться исключительно на выплату внешнего долга).

Дабровска и Цвайнерт анализируют разные обстоятельства и события, которые в итоге привели к победе девелопменталистов. Например, образовавшийся в 2002 г. профицит бюджета привел к тому, что коллеги Кудрина по правительству предложили увеличить бюджетные расходы. Герман Греф, в тот момент министр экономического развития и торговли, призывал снизить налоги, в то время как Кудрин настаивал на бюджетной дисциплине. Стабилизационный фонд стал продуктом компромисса между Кудриным, Грефом и другими акторами: правительство снизило налоги при условии создания фонда, где будут аккумулироваться средства, которые, впрочем, как сначала предполагалось, нельзя будет тратить внутри страны. Дабровска и Цвайнерт отмечают: «Поначалу был поддержан либеральный лагерь, а именно идея, что излишек доходов, скапливающийся в Стабилизационном фонде, может тратиться только на выплату государственного долга. В то же время Путин заявил, что деньги Стабилизационного фонда могли бы использоваться, чтобы покрыть дефицит Пенсионного фонда, вызванный снижением Единого социального налога, — это решение было принято в августе 2004 года» [Там же, с. 13]. Бюджет 2006 г. был назван «бюджетом развития», президент и правительство объявили о запуске дорогостоящих национальных проектов, а «рост бюджетных трат коррелировал с ростом объема Стабилизационного фонда, что означало, что об исходной задаче отделения бюджетных расходов от нефтяных цен можно было забыть» [Там же, с. 16]. В итоге средства Стабилизационного фонда было решено потратить на крупные инвестиционные проекты. Таким образом, девелопменталистское (и, как считают Дабровска и Цвайнерт, неосоветское) понимание роли СФ вытеснило неолиберальное.

В таблице, суммирующей результаты данного обзора, исследования государственного капитализма в России классифицируются с точки зрения различных интерпретаций этого феномена, представленных в книге Мусаккио и Лаццарини, с учетом дополнений, предложенных Алами и Диксоном.

Таблица

Классификация исследований государственного капитализма в России

Table. Classification of Studies of State Capitalism in Russia

Интерпретации государственного капитализма в России	Причины роста государственного участия в экономике	Последствия роста государственного участия в экономике	Ключевые исследования
Политическая / клепто-кратическая	Рентоориентированное поведение элит и патронаж со стороны руководства страны	<ul style="list-style-type: none"> Замедление экономического роста из-за непродуктивного расходования сырьевых доходов Укрепление авторитарного режима 	[3; 4; 10; 11; 17]
Девелопменталистская	Стремление стимулировать экономический рост и технологическое усложнение экономики	<ul style="list-style-type: none"> Успехи в отдельных отраслях Смешанные результаты из-за проблем реализации девелопменталистского курса 	[6; 19; 21; 22; 23; 26]
Социальная	Стремление ограничить рост безработицы и социальной напряженности	Замедление экономического роста из-за субсидирования неэффективных предприятий	[7; 8]
Геополитическая / защита национального суверенитета	<ul style="list-style-type: none"> Восприятие неконтролируемой частной собственности, особенно в сырьевом секторе, как угрозы национальному суверенитету Стремление укрепить влияние России на постсоветском пространстве 	<ul style="list-style-type: none"> Дополнительный рычаг для давления на страны ближнего зарубежья Конфликт между геополитическими целями и развитием экономики 	[5; 26]
Стимулирование финансовой	Накопление избыточной ликвидности	<ul style="list-style-type: none"> Спекулятивные доходы государственных банков и компаний в финансовом секторе Ограниченное кредитование реального сектора экономики 	[20]

Заключение

Во второй части статьи мы обратились к анализу государственного капитализма в России. Для этого мы проанализировали современные исследования, изучающие как политику государства в области регулирования экономики, так и отдельные предприятия. Российский случай представляет особый интерес, так как государственный капитализм сегодня стал своеобразным вызовом неолиберальному капитализму, который доминировал в России после распада СССР. Если в 1990-е гг. Россия стала известна в мире как один из самых ярких примеров реализации и катастрофических последствий неолиберальных реформ, то в 2000-е — 2010-е гг. политика российских властей рассматривалась как парадигматический случай возвращения государства в экономику. При этом в отличие от Китая, который с 1970-х гг. и по настоящее время проводит постепенную либерализацию (сохраняя значимую роль госсектора), для России оказалось характерно маятниковое движение: от советской плановой экономики к дезорганизованному капитализму 1990-х гг. и новой версии государственного капитализма в XXI в.

Результаты российского дирижизма можно назвать в лучшем случае смешанными. Несмотря на успехи в отдельных отраслях (сельское хозяйство), регионах (Москва, Калужская область, Татарстан) и крупных проектах («Ямал СПГ»), российская экономика не вышла на траекторию устойчивого роста (см. рисунок 2). В то же время с точки зрения динамики ВВП Россия не выглядит аутсайдером среди других стран БРИКС — скорее, вместе с Бразилией и ЮАР она принадлежит к группе стран с низким и нестабильным ростом, отличаясь при этом от Китая и Индии, которые демонстрируют высокий инвестиционный рост за счет освоения внутреннего рынка. По многим оценкам российская экономика достаточно устойчива перед лицом кризисов различной природы. Надо сказать, что для нее характерен ряд структурных искажений: высокое неравенство, географическая неравномерность развития, низкий уровень оплаты труда, способствующий появлению большой группы работающих бедных. Наконец, технологическое усложнение экономики (наряду

с устойчивым ростом выступавшее целью дирижистской политики) за последние двадцать лет фактически не достигнуто.

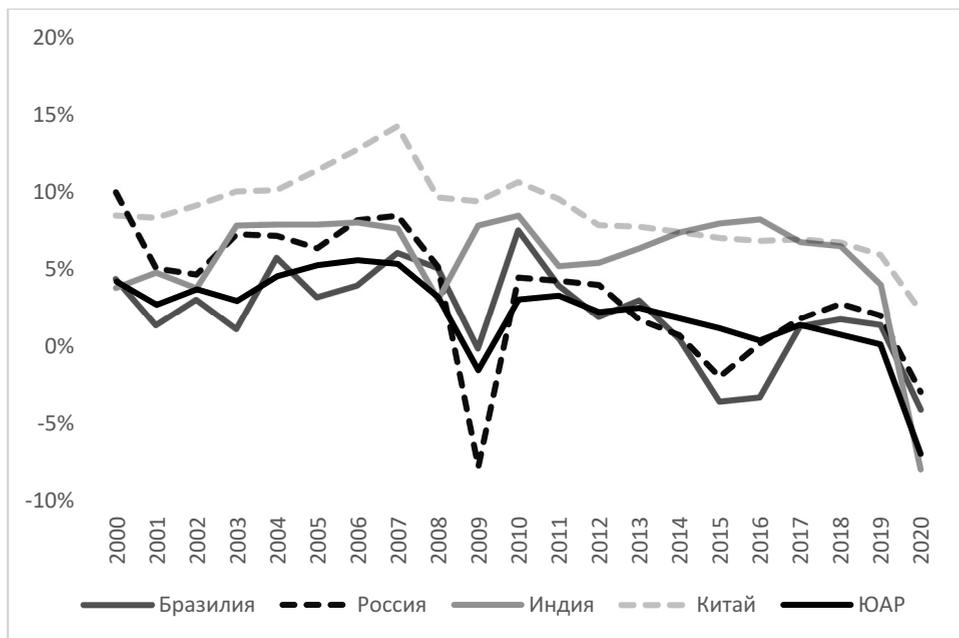

Рис. 2. Рост ВВП в странах БРИКС. Источник: [24]
Fig. 2. GDP growth in the BRICS countries

В исследованиях российского государственного капитализма долгое время доминировала его интерпретация, которую мы в настоящей работе обозначили как клептократическую, — интерпретация с точки зрения рентоориентированного поведения элит и формирования патронажной пирамиды во главе с лидером страны. Многочисленные расследования и интервью в СМИ добавляют этой интерпретации убедительности. Тем не менее последующие исследования на широком эмпирическом материале продемонстрировали узость и недостаточность такого взгляда на государственное участие в России. Проанализированные нами работы содержат не менее четырех альтернативных объяснений российского государственного капитализма: девелопменталистское, социальное, геополитическое, объяснение с точки зрения финансиализации. Впрочем, пока эти объяснения, в основном затрагивающие процессы и проекты на микроуровне, не складываются в единую картину российской политической экономики на макроуровне. Клептократическая интерпретация российского государственного капитализма отличалась тем, что соединяла два этих уровня: она позволяла вынести суждение как о ситуации в отдельных отраслях, регионах и проектах, так и о ситуации в российской экономике в целом. Альтернативные исследования эмпирически опровергают часть выводов клептократического подхода, но не предлагают соперничающего макрообъяснения. Тем не менее именно такое объяснение в духе «разновидностей капитализма» (*varieties of capitalism*), учитывающее всю совокупность структурных и институциональных факторов российской экономики, позволило бы как полноценно проанализировать ее в сравнительной перспективе, так и сделать практические выводы об узких местах (*bottlenecks*), препятствующих устойчивому росту, сокращению неравенства и решению социальных проблем. Наряду с открытием новых особенностей российского государственного капитализма в эмпирических исследованиях создание такой макрокартины выступает перспективным направлением для дальнейшей работы.

Литература

1. Верников А. В. «Национальные чемпионы» в структуре российского рынка банковских услуг // Вопросы экономики. 2013. № 3. С. 94–108.
2. Волков В. В. Госкорпорации: институциональный эксперимент // Pro et Contra. 2008. № 5–6 (12). С. 75–88.
3. Гельман В. Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб. : БХВ-Петербург, 2013.
4. Aslund A. Russia's Crony Capitalism. New Haven : Yale University Press, 2019.
5. Charokopos M., Dagoumas A. State capitalism in time: Russian natural gas at the service of foreign policy // Europe-Asia Studies. 2018. No. 3 (70). P. 441–461.
6. Chernykh L. Profit or politics? Understanding renationalizations in Russia // Journal of corporate Finance. 2011. No. 5 (17). P. 1237–1253.
7. Crowley S. Monotowns and the political economy of industrial restructuring in Russia // Post-Soviet Affairs. 2016. No. 5 (32). P. 397–422.
8. Crowley S. Putin's Labor Dilemma: Russian Politics Between Stability and Stagnation. Ithaca : Cornell University Press, 2021.
9. Dabrowska E., Zweynert J. Economic ideas and institutional change: The case of the Russian stabilisation fund // New political economy. 2015. No. 4 (20). P. 518–544.
10. Hanson P. The turn to statism in Russian economic policy // The International Spectator. 2007. No. 1 (42). P. 29–42.
11. Hanson P. The resistible rise of state control in the Russian oil industry // Eurasian Geography and Economics. 2009. No. 1 (50). P. 14–27.
12. Johnson C. MITI and the Japanese miracle: the growth of industrial policy, 1925–1975. Palo Alto : Stanford University Press, 1982.
13. Krippner G. R. The financialization of the American economy // Socio-economic review. 2005. No. 2 (3). P. 173–208.
14. Lane D. From chaotic to state-led capitalism // New Political Economy. 2008. No. 2 (13). P. 177–184.
15. Matveev I. Big Business in Putin's Russia: Structural and Instrumental Power // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2019. No. 4 (27). P. 401–422.
16. Matveev I. State, Capital, and the Transformation of the Neoliberal Policy Paradigm in Putin's Russia // The Global Rise of Authoritarianism in the 21st Century. London: Routledge, 2020. P. 33–50.
17. Remington T. Patronage and the party of power: President — Parliament relations under Vladimir Putin // Europe-Asia Studies. 2008. No. 6 (60). P. 959–987.
18. Sprenger C. Does Nationalization Work? Evidence from Russian State Takeovers 2012. P. 27–30.
19. Vanteeva N., Hickson C. Gerschenkron revisited: The new corporate Russia // Journal of Economic Issues. 2015. No. 4 (49). P. 978–1007.
20. Viktorov I., Abramov A. The rise of collateral-based finance under state capitalism in Russia // Post-Communist Economies. 2021. P. 1–37.
21. Wegren S. K., Nikulin A. M., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin's fourth term: a SWOT analysis // Post-Communist Economies. 2019. No. 4 (31). P. 419–450.
22. Wengle S. A. Post-Soviet developmentalism and the political economy of Russia's electricity sector liberalization // Studies in Comparative International Development. 2012. No. 1 (47). P. 75–114.
23. Wengle S. A. The new plenty; why are some post-Soviet farms thriving? // Governance. 2020. No. 4 (33). P. 915–933.
24. World Bank GDP growth (annual %) [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.KD.ZG> (дата обращения: 12.11.2021).
25. Wright M. [и др.]. State capitalism in international context: Varieties and variations // Journal of World Business. 2021. No. 2 (56). P. 1–16.
26. Yorke A. State-led coercive takeovers in Putin's Russia: explaining the underlying motives and ownership outcomes. London : School of Economics and Political Science (University of London). 2014.

Об авторах:

Журавлев Олег Михайлович, сотрудник лаборатории публичной социологии (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук;
olegzhur@yandex.ru

Матвеев Илья Александрович, доцент, заместитель декана факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
matveev-ia@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4355-3257>

References

1. Vernikov A. V. "National Champions" in Russia's Banking Services Market. *Journal of Economic Issues* [Voprosy ekonomiki]. 2013. No. 3. P. 94–108. (In Rus.)
2. Volkov V. V. State Corporations: Another Institutional Experiment. *Pro et Contra* [Pro et Kontra]. 2008. No. 5–6 (12). P. 75–88. (In Rus.)
3. Gel'man V. Ya. *Out of the Frying Pan into the Fire: Russian politics after the collapse of the USSR*. Saint Petersburg : BHV-Petersburg, 2013. (In Rus.)
4. Aslund A. *Russia's Crony Capitalism*. New Haven : Yale University Press, 2019.
5. Charokopos M., Dagoumas A. State capitalism in time: Russian natural gas at the service of foreign policy. *Europe-Asia Studies*. 2018. No. 3 (70). P. 441–461.
6. Chernykh L. Profit or politics? Understanding renationalizations in Russia. *Journal of corporate Finance*. 2011. No. 5 (17). P. 1237–1253.
7. Crowley S. Monotowns and the political economy of industrial restructuring in Russia. *Post-Soviet Affairs*. 2016. No. 5 (32). P. 397–422.
8. Crowley S. *Putin's Labor Dilemma: Russian Politics Between Stability and Stagnation*. Ithaca : Cornell University Press, 2021.
9. Dabrowska E., Zweynert J. Economic ideas and institutional change: The case of the Russian stabilisation fund. *New political economy*. 2015. No. 4 (20). P. 518–544.
10. Hanson P. The turn to statism in Russian economic policy. *The International Spectator*. 2007. No. 1 (42). P. 29–42.
11. Hanson P. The resistible rise of state control in the Russian oil industry. *Eurasian Geography and Economics*. 2009. No. 1 (50). P. 14–27.
12. Johnson C. *MITI and the Japanese miracle: the growth of industrial policy, 1925–1975*. Palo Alto : Stanford University Press, 1982.
13. Krippner G. R. The financialization of the American economy. *Socio-economic review*. 2005. No. 2 (3). P. 173–208.
14. Lane D. From chaotic to state-led capitalism. *New Political Economy*. 2008. No. 2 (13). P. 177–184.
15. Matveev I. Big Business in Putin's Russia: Structural and Instrumental Power. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2019. No. 4 (27). P. 401–422.
16. Matveev I. State, Capital, and the Transformation of the Neoliberal Policy Paradigm in Putin's Russia. *The Global Rise of Authoritarianism in the 21st Century*. London: Routledge, 2020. P. 33–50.
17. Remington T. Patronage and the party of power: President — Parliament relations under Vladimir Putin. *Europe-Asia Studies*. 2008. No. 6 (60). P. 959–987.
18. Sprenger C. *Does Nationalization Work? Evidence from Russian State Takeovers 2012*. P. 27–30.
19. Vanteeva N., Hickson C. Gerschenkron revisited: The new corporate Russia. *Journal of Economic Issues*. 2015. No. 4 (49). P. 978–1007.
20. Viktorov I., Abramov A. The rise of collateral-based finance under state capitalism in Russia. *Post-Communist Economies*. 2021. P. 1–37.

21. Wegren S. K., Nikulin A. M., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin's fourth term: a SWOT analysis. *Post-Communist Economies*. 2019. No. 4 (31). P. 419–450.
22. Wengle S. A. Post-Soviet developmentalism and the political economy of Russia's electricity sector liberalization. *Studies in Comparative International Development*. 2012. No. 1 (47). P. 75–114.
23. Wengle S. A. The new plenty; why are some post-Soviet farms thriving? *Governance*. 2020. No. 4 (33). P. 915–933.
24. *World Bank GDP growth (annual %)* [Electronic resource] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (accessed: 12.11.2021).
25. Wright M. [et al.]. State capitalism in international context: Varieties and variations. *Journal of World Business*. 2021. No. 2 (56). P. 1–16.
26. Yorke A. *State-led coercive takeovers in Putin's Russia: explaining the underlying motives and ownership outcomes*. London : School of Economics and Political Science (University of London). 2014.

About the authors:

Oleg M. Zhuravlev, Fellow of Public Sociology Laboratory (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Sociology; olegzhur@yandex.ru

Ilya A. Matveev, Associate Professor, Deputy Dean of Faculty of International Relations and Politics of the Northwestern Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; matveev-ia@ranepa.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4355-3257>